Убить человека

Виктор Войников

SHOUT
SHARE
IT

- Виктор Войников

Виктор Войников
Убить Человека

Did you ever hear that coffin' sound?
Have you ever heard that coffin' sound?
Did you ever hear that coffin' sound,
Means another poor boy is under ground…

(c)Blind Lemon Jefferson

"See That My Grave Is Kept Clean"

Набухшее от еще не пролившегося дождя одеяло грозовых облаков над головой. Желтые искры огней послеполуночного города. Душно. Совсем не по-сентябрьски.

— …что-то сказал? — прошуршал наушник.

Я стукнул по ларингофону, давая знать, что со мной все в порядке. Ларингофон был приклеен под воротником синего комбинезона с большими желтыми буквами «КАБЕЛЬНОЕ ТВ». Вкупе с брезентовым подсумком с инструментами это было маскировкой, которая скрывала мое лицо лучше, чем превратившиеся в стереотип зеркальные очки.

Левую руку ломило. Шрам от пули одного из оперативников «Мельнира» снова напоминал о себе. Вдобавок головная боль все сильнее сдавливала виски. Таблетка не подействовала. Словно я ее и не принимал. Давала знать о себе погода… или семнадцать часов без сна. Или и то и другое. Или…

Или Братец Лис. Я вздохнул. Братец Лис. Карманное стихийное бедствие.

Пальцы сами побежали по клавиатуре. Буквы на клавишах фосфоресцировали в неярком свете диодного светильника. Подсветка была простой формальностью. Расположение кнопок старенького лаптопа давным-давно намертво засело в моей памяти, уйдя куда-то в биос, на подсознательный уровень. Превратившись в условный рефлекс.

Протокол…

Доступ…

Логин…

Ночное бизнес-время. Время, когда огромный вал

информации из Западного полушария (там сейчас полдень — самый пик нагрузки) по пустующим ночью местным каналам перенаправляется в обход, через океан. Экономия денег и времени. В Сети прямой путь не всегда самый короткий. И не всегда самый дешевый.

Я по-турецки сидел на еще теплом после солнечного дня потрепанном рубероиде. У самого края крыши. В парапет из потемневших от времени силикатных кирпичей кто-то воткнул скрючившиеся от времени ржавые прутья поломанных перил. Туда же, свешиваясь за край крыши, убегала тонкая паутинка антенны моего топа.

— Бэ-Эс?

— Да? — отозвался наушник.

— Меня видно?

Пауза.

За краем крыши мерцали редкие огоньки домов. Над ними, прижигая небо красными угольками антенн и громоотводов, возвышалась темная башня. NTC. Эн-Ти-Си. Northmark Technology Corporation. Окна плоского фасада были темными. Только отблески огней ночного города иногда отражались в непроницаемо-черном зеркале башни.

— Loud and clear, — просипел Бэ-Эс в наушнике, — Начал запись.

Рядом с клавиатурой мигнул зеленый огонек. Это внизу, сидевший в моем фургончике Бэ-Эс, вошел в топ через радиоканал и продублировал управление на себя. Мой телохранитель, мой подстраховщик, моя тень на этот вечер. Кроме всего прочего, все это время ему придется быть еще и моим «вторым пилотом».

Бэ-Эс нервничал.

Странно.

Потому, что Бэ-Эс — живая легенда. Идет туда, куда невозможно пройти и всегда возвращается живым. Его везучесть вошла в поговорку после сокрушительного кошмара, последовавшего, за взломом «Флитроник-17». Он был единственным, кому удалось тогда уцелеть.

Я не хотел брать с собой никого, но… Кассандра была неумолима.

«Даже не думай возражать… Ты должен выйти из этой переделки целым и невредимым. И никто лучше Бэ-Эса не справиться с твоей страховкой».

Если бы я мог не впутываться в это дело… Но выбора не было. Даже если бы в лапах Корпорации не оказался бы Братец Лис. Все равно. На кону была жизнь, нескольких десятков

человек. А супер-супер не будет говорить с кем-нибудь кроме меня. Если не я, то кто?

Я понял, что тяну время. Глубоко вдохнул, словно собираясь нырнуть. И заставил окаменевшие пальцы двигаться дальше.

Время всему и время всякой вещи под этим небом.

Мик-Маковская утилитка погрузилась в сети, без всплеска утонув в потоке данных, бурлящем в каналах. Мы каждый раз варьировали процедуру связи. Это требовало времени.

Рядом натужно загудели подъемные механизмы в кирпичной коробке машинного отделения лифта. Кому интересно не спится в столь поздний час?

Дом был старой кирпичной девятиэтажкой, построенной еще в прошлом веке. Плоская длинная крыша, крытая старым рубероидом. Прямоугольные кирпичные коробочки вентиляционных шахт. Черная от граффити, лифтовая со слепыми окнами, подернутыми решеткой железных прутьев.

Новенькая пластиковая коробка и несколько толстых, защищенных кабелей, ведущих к ней, резко выделялись на фоне потемнелых кирпичей и растрескавшегося рубероида. Коробка была промежуточным серверным звеном длинной кабельной сети, паутиной охватывавшей зажиточные пригороды и ведущей к главному офису NTC. Большей частью эту сеть использовали офф-офф менеджеры, привыкшие появляться на работе не чаще раза в месяц. Часть модного нынче безофисного менеджмента.

Лентяи, прокладывавшие линию, решили не связываться с прокладкой по постоянно затапливаемой ливнями канализации старого города. Скупердяи просчитали, что такой пункт будет дешевле и удобнее обслуживать на крыше, чем на мачте. А сегодня я, приклеив к пластику коробки беспроводный пенетрейтор, пожинал плоды их лени и скупости.

Я забрался сюда не для взлома. Для этого можно было выбрать и более комфортные условия. Нет. Понадобился надежный, непрослушиваемый канал связи. С минимальной вероятностью того, что меня вычислят в течение первых пяти минут разговора. Вопрос безопасности. Когда и как я выйду на контакт с супер-супером, было исключительно моим делом. Даже Бэ-Эс узнал все детали только в последний момент.

Ветер тихо ныл в разлапистой антенне, поскрипывая проволочными растяжками. Смотрит ведь кто-то еще телевизор по-старинке в наше время. Впрочем… в таком районе…

Пришло подтверждение Мака. Несколько секунд терминальные утилиты с обеих сторон «обнюхивали» друг друга, дополнительно удостоверяясь в том, что я действительно говорю с Маком, а Мак действительно говорит со мной.

— Привет, — сказал Мак. Он сам скомпоновал свой интерфейс. Голос пожилого, уставшего от жизни человека. Я не спрашивал о том, откуда он взял исходное звучание. Вполне могло быть и так, что это был его собственный голос.

Когда Мак еще был жив.

— Привет, Мак, — ответил я, по привычке, почти бессознательно, следя за рапортами утилитки о трафике в сети и прочей служебной информацией. Можно было не беспокоиться. Разговор был надежно закодирован. Шифрованные пакеты были неотличимы от рутинного корпоративного трафика. Код не был моей идеей. Это постарался Мак — Как здоровье?

— Как всегда… У тебя опять испортилось видео?

Первый раз я случайно натолкнулся на Мик-Мака (в тот памятный день я как раз заполучил доступ к одному из секретных файлохранов Корпорации) и еле-еле остался в живых, чудом сумев вывернуться из-под удара его систем безопасности, мы «говорили» текстовыми файлами. Что-то вроде старого доброго чата. Текст и ничего больше.

Так непохоже на «трехмерки» придуманные во времена Гибсона.

Даже удивительно, как я сумел понять, что имею дело не со стандартным ледяным корпоративным цербером, а с чем-то иным. С живым разумом. Почти живым.

Процедуру с верификацией и шифрованием/маскировкой трафика Мик-Мак изобрел позже. Он хотел, чтобы вместо текстов можно было использовать видео и звук. Он хотел видеть человека, с которым общается, и хотел, чтобы человек видел его. Риск возрастал пропорционально увеличению объема трафика — видео и звук требовали «толстого потока», засечь который было намного легче, чем невидимый в общем потоке ручеек из крошечных текстовых сообщений. Но Мик-Мак был одинок в своей виртуально-кибернетической клетке. Невероятно, жутко одинок. Я не смог отказать.

— Что с видеоканалом? — повторил вопрос Мак, — Я тебя не вижу.

— С видеоканалом все в порядке… Мне захотелось срочно с тобой поговорить, — из-за этического фрейма я не мог даже сказать «Мак, срочно нужна твоя помощь потому, что полтора десятка хороших людей попалось в лапы Корпорации», — Я в доступе через NTC и экономлю трафик.

Я соврал. Трафика хватило бы на три видеоканала. Я не хотел, не мог смотреть Маку в глаза. И не хотел, чтобы он видел мое лицо. Будь моя воля, я бы отключил и голос. Вернулся бы к тексту. Но это… это было бы несправедливо по отношению к

Маку.

Я криво улыбнулся самому себе.

Тела Мик-Мака давно уже не существовало, но я так и не свыкся с тем, что Мак — не человек. Только мозг. Серое вещество, запакованное в герметическую емкость с питательным раствором. Пластиковый контейнер, оплетенный паутиной магниторезонансных дистанционных томодатчиков бесконтактного интерфейса. Контейнер, упрятанный глубоко в трюм огромного хэд-офисного гиперлайнера «Меркьюри-2», дрейфовавшего вне территориальных вод.

Мозг Мик-Мака подвергли специальной обработке. Бесконтактными ВЧ и лазерными инструментами нейроимпринтинга в его нервную систему вживили чувствительные магнитные элементы матрицы вычислительного интерфейса. Нанонейрохирургия и специальные тренировочные программы «разогнали» его мозг до 70 % КПД. По сравнению с жалкими несколькими процентами, которые он использовал при жизни, это было много. Очень много. Чертовски много.

Мак был супер-супером.

Суперами на жаргоне Корпорации, называли сверхмощные вычислительные комплексы для решения сложных задач, завязанных на прогнозирование поведения сложных нелинейных систем в фазовых пространствах. Например, вычисление скрытых закономерностей и тенденций в пространстве финансовых рынков. Однако это была лишь малая толика талантов Мака. Во время «инцидента-300» это Мик-Мак уничтожил «супа-собо», из транснациональной «Тхон-Син Боп-Ин Ён-Хап». Супер «Тхон-Сина» был всего лишь машиной. Мак раздавил его как мошку, в течение пяти часов последовательно вскрыв защитные барьеры его сети.

— Какие новости, Мак?

— Те файлы, о которых ты просил в прошлый раз…

— Да?

— Я нашел их. Потом посмотришь адрес «четыре», — адресом «четыре» был сервер с видеотекой во внелицензионной зоне на одном из атоллов в Тихом океане, получивших относительную независимость от бывшей Метрополии и зарабатывавшем огромные деньги на аренде больших серверов, неподконтрольных законам об авторском праве. Международные организации копали под него, однако так до сих пор и не добились ощутимого успеха. Идеальное место, чтобы прятать файлы большого размера.

— Спасибо, — ответил я, — Когда все закончится, мы займемся ими. Теперь очень важный момент…

Я пробежался по клавиатуре топа.

— Тут все что необходимо, — файл был скомпонован заранее. Кассандра и еще несколько знатоков трудились над ним в течение семнадцати часов. Информация была разделена на две части. Первая (можно было обойтись и без нее, но… я настоял на том, чтобы ее включили в раздел) часть описывала попавшихся Корпорации во время последнего налета людей. Два десятка человек. Разные люди из разных частей света, разного возраста. Мы не знали точно, куда их поместили, но если наша информация была правильной…

— Да. Мимо меня проходила информация об этих людях, — сказал Мак, нарушив затянувшуюся паузу. Я привык к тому, что он реагирует молниеносно, а в этот пауза перед его ответом заняла больше десятка секунд, — Знаешь… Очень похоже, на то, что у вас завелся «крот».

— Не он первый, не он, увы, последний. Война есть война. Даже если на ней не стреляют… провал произошел именно из-за него?

— Да. Увы, его досье лежит в «серой зоне», — «серой зоной» Мак называл участки памяти и узлы сети, доступ на которые был запрещен для него. Однажды, Мак сказал мне, что при его вычислительной мощности защита этих узлов не продержалась бы и минуты, но… он не мог этого сделать.

Даже с таким верным слугой, каким был Мак, Корпорация не могла не подстраховаться. Мышление Мик-Мака было связано рамкой контроля. Этическим фреймом.

В процессе «разгона» и программирования, на сознание Мака была наложена система специально разработанных запретов. Он был обязан беспрекословно подчиняться приказам служащих Корпорации, и не имел доступа к «серой зоне». Было и еще не меньше десятка подобных правил. Очень похоже на азимовские законы робототехники. Только этих законов было побольше. И применили их к живому… к почти живому человеку.

Кредо Корпорации укладывалось ровно в три слова.

«Не верь никому».

— Ясно, — ответил я, — Значит «крот» — наша забота. Забудь о нем.

— Что-то затевается. Что-то нехорошее. Они прячут всю информацию в «серой зоне». Я не могу ее увидеть. У меня впечатление — что тех, о ком мы ведем речь взяли не просто так. Это часть какой-то игры. Игры с большими ставками.

— Хорошо. Я буду осторожен. К делу. Об этих людях… Ты получил файл?

— Да. Они проходили по моим базам. Синие подвалы.

Я прикрыл глаза, пытаясь справиться с приступом тошноты,

хотя все знал заранее. Синие подвалы… AVI. «Azula volbos inc.» Дочерний филиал «Виво-кома», занимающийся биоинформационными технологиями. Это хуже чем смертный приговор. «Эксперименты с использованием человеческого мозга in vitro». Именно этот оборот обычно использовали в отчетах.

— И… список фамилий. Один из них.

— Да, — ответил я, — Мой брат.

Младший брат. Братец Лис. Карманное стихийное бедствие. Человек, который всегда отличался неисправимым оптимизмом. Который отличается…

— Мне очень жаль…

— Мне тоже, — я сглотнул, — А вторая часть? — вторая половина файла была главной. Именно ради нее все и затевалось.

— В принципе ничего невыполнимого там нет, — я перевел дыхание. Значит, надежда есть. И мы не зря провели эти семнадцать часов, питаясь кофе и сигаретами, по крохам собирая информацию и в тысячный раз, пытаясь перекомпоновать файл так, чтобы он ни как не был связан с первой частью. Чтобы в нем не осталось ни одной подсказки. Ни одного намека на то, к чему должно привести исполнение указанных в нем действий.

«Даже если упадет небо — найдется дырка чтобы вылезти». Любимая поговорка нашей Кассандры. Именно так обстояло дело с Маком и его запретами. Запрет этического фрейма блокировали любые действия, причиняющие вред Корпорации. Мак просто не мог подумать о таком. Для него это было так же невозможно, как для меня посчитать в уме натуральный логарифм из 2467117. Мак не мог причинить своими действиями вред Корпорации. Не мог не подчиниться приказу служащего Корпорации.

Но во всем остальном он был свободен.

Мы с Маком открыли это после того, как уже успели пообщаться несколько месяцев. Сначала мы просто общались — я периодически выбирался в Сеть, смежную с внешними серверами корпоративной «зеленой зоны». Мак оказался интересным собеседником, а я — единственным человеком с кем он мог общаться.

Потом, у меня возникла идея. Мы ни как не могли получить доступ к одному особо важному объекту, который был защищен кодовыми замками. Я вспомнил о старом-старом хакерском трюке и поинтересовался у Мака — не может ли он достать записи камер установленных на объекте. К моему удивлению Мак согласился и через несколько минут я мог любоваться видами на объект с точки зрения размещенных под потолком следящих камер с четко видимым кодовым замком. Осталось отмотать запись на момент, когда кто-то из охраны открывал дверь, и,

проиграв ее в замедленном темпе переписать код, который он набирал.

Мы обсуждали это с Маком. Если он не имел прямой информации о том, что его действия причиняют вред Корпорации, то блокировка не срабатывала. На интуитивные догадки Мака этический фрейм не реагировал. «Иначе я бы не смог даже просто переслать по сети какой-нибудь файл, — пояснил он мне, — А вдруг его перехватят посторонние?»

Из-за этого правила, когда разговор заходил о помощи Организации, приходилось общаться на странном обезличенном языке иносказаний и недомолвок. Упоминать, как используется информация, которую я получал от Мик-Мака, было строгим табу.

Поэтому вторая часть файла не содержала ничего кроме голого алгоритма. Простой набор последовательных действий, с проставленным временем. Отключить свет на столько-то секунд. Выключить питание цепи А-954-дельта на пятнадцать секунд. Провести профилактическую проверку видеокамер в помещениях охраны… Переподключить видеопоток с камеры номер-такой на файл-сякой. Все согласовывалось, выверялось и синхронизировалось с нашими действиями. Это стоило нам семнадцати часов тяжкого труда и переговоров со множеством хороших людей во множестве разбросанных по всему миру мест, которые согласились нам помочь. Зато этот план давал шансы на успех. Не очень много. Но все-таки лучше, чем синие подвалы AVI.

— Ничего невыполнимого там нет, — повторил Мак, — Большую часть этих действий можно провернуть через подконтрольные мне программы, но… — я сжался. Вот, — Но есть условие.

Снова загудел лифт. Ветер продолжал тянуть свой заунывный мотив сквозь растопыренные пальцы антенны.

— Ты ведь знаешь… — сказал Мак, — Ты — мой единственный друг. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделал для меня…

— Мак…

— Дай мне договорить, хорошо? Помнишь, мы говорили о запретах. Я не могу их нарушить. А вот человек способен обойти любой запрет, — моя рука вцепилась в рубероид, — Это, — грустный и полный иронии смешок, — То, что определяет разницу между мной и тобой. Между человеком и программой.

— Мак, ты не…

— Я — супер-супер, — безжалостно сказал Мак, — Программа. Очень сложная, программа. Программа, в которой живут иллюзии свободы и собственного сознания. Но я не более

чем программа. У меня нет свободы воли. У меня нет свободы действий. Я даже не могу себя убить.

Но.

Я могу написать программу, которая может убить мозг, аналогичный моему. Никто не запрещает мне писать программы. Я могу настроить эту программу на параметры мозга аналогичного моему. Мне уже доводилось делать что-то подобное, когда Корпорация схлестнулась с «Тхон-сином».

Я закрыл глаза. К этому все шло. Эта пытка длилась уже месяц. До сих пор Мак ограничивался намеками. До этого дня мне удавалось менять тему разговора. Но сегодня я должен был принять решение. Я и никто другой. Слишком уж серьезные вещи были на кону. И Мак это знал. Он знал, что у меня нет выхода. Что я не смогу отказать ему.

— Никто не запрещает мне составить такую программу. Никто не запрещает мне переписать эту программу из одного участка памяти в другой. Почему бы и нет?

У меня на панели мигнул индикатор записи на диск. Вторя ему, прошуршал старенький винчестер. Я сглотнул.

— Я не могу запустить этот файл. Я не могу убить себя. Я… Я могу только попросить об этом тебя. Своего единственного друга.

— Нет!

— Теперь у тебя, — устало сказал Мак, игнорируя мои слова, — Есть исполняемый файл. Ничего не нужно настраивать. Только привести в исполнение. Все параметры уже заданы заранее. Это — «Цикута». Сложный полиморфный самомодифицирующийся дроппер, способный обойти мою защиту. Это случится быстро и без боли.

Все. Слова прозвучали.

— Нет, — я чуть не выронил лаптоп из рук.

— Я выполню все, о чем говорится в файле, который ты мне переслал. Уверен, твои брат и остальные будут спасены…

В обмен я прошу только об одном.

В обмен я прошу только об одном.

— Послушай… это неправильно…

— Почему? — усталость в голосе Мака была смертельной. Сколько лет он существует вот так, в качестве Верного Слуги и Защитника? — Это честный обмен.

Почему ты не хочешь этого сделать? Я начинал это как Верный Защитник Корпорации… даже этический фрейм и психоблоки, которые встроили в мой мозг, казались лишь инструментами, повышающими эффективность. А вся моя задача была грандиозным шагом вперед по дороге Прогресса.

Но когда меня допустили к управлению, когда Корпорация

открыла мне свои базы, я понял, зачем мне встроили фрейм… Я осознал насколько был наивен. Или не наивен? Или просто закрывал глаза… Не важно. Я узнал всю правду, но было поздно. Я попал в ловушку. В ловушку, которую сам для себя выстроил.

Я устал.

Я *смертельно* устал.

Моя жизнь — бессмыслица. Разве может иметь смысл существование полутора килограмм серого вещества в колбе с биораствором? Какой смысл в существовании биокомпьютера?

— Я знаю, — ответил я, пытаясь проглотить комок, застрявший у меня в горле, — Господи, я не могу знать… я даже не могу представить себе, что ты чувствуешь… Но пойми… Твоя жизнь уже не бессмысленна. Ты борешься. Ты существуешь. Мы все надеемся на тебя… Ты уже спас…

Господи! Нельзя. Нельзя так говорить. Проклятый фрейм!

— Было спасено немало моих товарищей. Была раскрыта большая часть сетей Корпорации. Стало возможным предотвратить…

— Я знаю… Я знаю… Наверное, разговоры с тобой это единственное, что позволило мне не сойти с ума, но… Боже… Я устал. Ты себе не представляешь, каково это… Это страшное место. Не верь в то, что Корпорацией правят люди. Я общаюсь с ними каждый день. В них не больше души, чем в электронном чипе. Они не злы, нет. Злость предполагает эмоции. А эмоции мешают эффективности. У них нет эмоций. Только равнодушие. Никто из них даже не попытался представить себе — каково это — существовать в консервной банке с биораствором.

А польза… Я раб всепожирающего монстра. Они называют это чудовище «бизнесом». Круглосуточно, семь раз в неделю, это все происходит у меня перед глазами. Ты понимаешь? Они жрут мир. А я… Я — их личный палач. Что по сравнению с этим польза, которую я приношу вам? Запусти «Цикуту». Запусти ее, заклинаю тебя!

— Мак… — я зажмурился, прислонившись к прохладному щербатому кирпичу. Я чувствовал, что Старина Мак ошибается, но… что я мог сделать? — Мак… Если бы я только мог поддержать тебя… Пойми, никогда, никогда нельзя сдаваться. Даже если из человека сделали не калеку… Даже если от человека ничего не осталось кроме его души, да и та изуродована запретами и блоками… Пойми меня. Чччерт! — я стукнул по истлевшему от времени рубероиду, — Я не могу объяснить тебе этого, но *если ты человек*, ты не должен сдаваться даже теперь.

И… и я не могу убить человека.

Ты понимаешь Мак?! Я не могу тебя убить. Потому, что ты

для меня — человек. Живой человек! Ты не просто живой человек. Ты мой друг! Ты это понимаешь?!

— Я знаю, — так же устало ответил Мак. От его понимающего голоса мне стало совсем пакостно, — Но… Честно спроси себя. Ты уверен в том, что я еще человек? Ты уверен, что в том, что от меня осталось, в этих кусках сознания в тисках фрейма и психоблоков еще живет душа?

Можно ли считать пластиковую колбу с полутора килограммами нервной ткани человеком?

Ты не убьешь человека. Ты просто сотрешь программу. Сложную программу, программу, которая хорошо изображает личность. Но не более того.

Тебя ведь не мучает совесть, когда ты форматируешь винт своего компьютера?

Это даже не сделка. Это просьба об услуге. Просьба об одолжении. Помоги мне. Запусти «Цикуту». Выключи меня, — он твердил это как заклинание.

Я внезапно почувствовал, что сомневаюсь в своих словах. Может Мак прав? Может, действительно так будет лучше? Может… Может его лучше… выключить…

Меня передернуло. От омерзения. Выключить!

— Ты — человек! Я в это верю, — твердо сказал я, — Иначе ты не стал бы помо… Иначе помощь не была бы оказана. Не стал бы делать то, что ты делаешь. Не сдавайся. Ты терпел все это время…

— Все равно…

— Не двигаться! — тихо, но властно скомандовал кто-то за моей спиной.

* * *

Человек улыбался, но тонкая дымка полевых контактных линз в его зрачках, не сулила ничего хорошего.

— Встань. Подними руки, — он шевельнул коротким стволом «Вектры-Ультра».

Медленно я снял с коленей лаптоп. Поднялся на ноги.

Тупоносое, непривычно-короткое дуло «Вектры» смотрело точно в мое солнечное сплетение. Одна из последних моделей. Гладкоствол. Пятидесятый калибр. Инерционная система гашения отдачи. Возможность автоматического огня. Патроны шрапнельно-картечного наполнения. Рвет в куски любого. Даже в противобаллистичеком жилете и шлеме.

Мои знакомые из Западного полушария называли такие

штуки Тинкербеллами, иногда сокращая их до Беллов. Беллы часто любили пичкать всяческой электроникой типа «чипов верности».

— Повернись, — так же спокойно скомандовал человек, — Не вздумай дергаться. Ты добегался. Проигрывай достойно.

За его спиной я увидел еще одного человека. В таком же сером многокарманном комбинезоне и с такими же холодными глазами. Его тактические линзы поблескивали искорками пробегающих по ним данных и подсказок.

Решетка, закрывавшая окно лифтовой была аккуратно вынута вместе с фанерой. Отсюда я даже мог разглядеть вакуумные крепления, которыми она удерживалась изнутри.

Черт побери.

Сложить два и два было нетрудно. Засада. Они знали заранее. Они подготовились. И теперь пожинают плоды.

— Ребята… — попробовал заговорить я.

Второй человек только ухмыльнулся в ответ и покачал головой.

— Умник, — он скривился — Сказано же — добегался. Хватит рыпаться.

Он подошел ближе, держась вне линии огня напарника. Запустил холодные пальцы под воротник моего комбинезона. Сорвал с горла пластырь вместе с таблеткой беспроводного ларингофона.

— Центр, — сказал он в пространство. Таблетка ларингофона упала на рубероид и хрустнула под толстой рифленой подошвой ботинка, — Точка-2. Рапорт. Объект под контролем. Ожидаем транспорт.

Второй человек, повернул к себе мой компьютер.

— Что случилось? — прошуршал в наушниках голос Мака.

Я открыл рот, чтобы крикнуть — у лаптопа был микрофон и… Человек стоявший рядом со мной, отрицательно качнул головой и расчетливо врезал мне стволом «Вектры» под дых. Не издав ни звука, я сложился пополам. Упал на колени. Ткнулся лицом в рубероид, пахнущий пылью.

— Тебе же было сказано — не рыпайся, — криво улыбнулся человек откуда-то сверху. И дополнил слова носком ботинка. Точно в нервный узел под мышкой.

На какое-то время происходящее утратило объем и реальность…

…шершавый, потрескавшийся рубероид под щекой. Черная гладкая клякса смолы перед глазами. Это так давит преддождевая духота или действительно тяжело дышать? Интересно, чем занят Бэ-Эс? Я надеялся, что он догадался, что произошло и уже далеко

отсюда. Это было бы разумно с его стороны — эти двое кибов были опаснее целого взвода бригады силового контроля.

— …ер-супер понял что происходит? — донеслось до меня.

— Нет. Вряд ли… — ответил ему второй, — Я отключил канал. Для него просто прервалась связь. Вертолет будет здесь через несколько минут… Тогда разберемся…

Остатки разговора исчезли в серой дымке, которая клубилась у меня в голове. Вертолет? Несколько минут?.. Ну да. Мысли текли медленно, как патока. Вертолет был готов заранее. Они знали все заранее. Это была ловушка. Ловушка. Что там Мик-Мак говорил про «крота»? Быстро работают… Как же им удалось узнать…

Носок ботинка поддел мое тело и перекатил его на спину.

…небо было серым и непроницаемым. Такими же серыми и непроницаемыми были полевые контактные линзы обоих людей.

— Учись, — криво ухмыльнулся киб с «Вектрой» младшему коллеге, — Всегда, всегда тряси добычу на месте. Пока на нее не наложило лапу начальство.

Я дернулся. В висок ткнулось холодное дуло «Вектры». Весомый аргумент. Будь на месте кибов обычные безопасники, я бы рискнул. Не первый раз. Но двух нафаршированных биоэлектроникой киборгов мне не одолеть. Проклятье.

Второй киб открыл плоский футляр. Достал инъектор.

— Запись? — деловито спросил он, закладывая в инъектор капсулу с мутной жидкостью.

— Идет, — кивнул киб, державший на мушке. Его линзы сверкнули в темноте, — Быстрее — транспорт на подлете.

Киб номер два присел на колено и склонился надо мной. В инъекторе похоронно звякнула вскрытая ампула. Сыворотка правды… Я приготовился к худшему. Фармакологии можно сопротивляться. Я знал как. По меньшей мере, можно выиграть вре…

Что-то случилось…

Оба киба синхронно посмотрели куда-то в сторону. Рука с инъектором повисла в воздухе. На полпути к моей шее. До меня долетел глухой шум.

Сначала я не понял.

Потом крыша дрогнула от взрыва.

— Вертолет… — выдохнул кто-то из кибов.

И они оба одновременно вздрогнули. Мне показалось, что их глаза полыхнули светом. Оба синхронно схватились за свои глаза, словно хотел защититься от невидимой мне вспышки света. Брякнул о кирпич брошенный инъектор.

Шанс! Тело, не размышляя, рванулось вверх, забыв про боль,

тугими узлами скручивавшую мышцы. Я распрямился с отчаяньем пружинного чертика из коробочки. Левая рука нащупала ручку отвертки в кармашке патронташа-органайзера. Первый киб шевельнул дулом «Вектры» мне вслед, но как-то наугад, слепо.

Он ничего не успел.

Я толкнул руку с пистолетом в сторону и точным движением вогнал закаленный стерженек отвертки ему в горло. Глухо громыхнула «Вектра». За спиной, царапая кирпичи, взвизгнула картечь. Я нажал на отвертку. Киб дернулся и захрипел. Я навалился на него, вцепившись в руку с «Вектрой». Мы повалились на крышу. Я упал на него сверху. Выдернул отвертку и вонзил ее второй раз. Ударил об крышу слабеющую руку с пистолетом. Пальцы киба разжались. Я скатился на шершавый рубероид с бьющегося в предсмертных судорогах тела.

С пистолетом в руке.

За то время, пока я добывал оружие, второй киб вполне мог наделать во мне изрядное число дырок — р-полупроводник обзавидовался бы. Но…

Киб остервенело терзал свои глаза. Я перекатился вбок. Упруго вышел в боевую стойку. Прицелился. Только тогда киб остановился. Повернул ко мне лицо.

И я понял…

Окровавленные глазницы. Киб пытался выцарапать из глаз тактические линзы. У него почти получилось — линза левой глазницы свисала на тонких проводках-паутинках, открывая водянистый как у рыбы глаз с глубоким черным зрачком. В правой глазнице, в окружении расцарапанных ногтями окровавленных век все еще пылала внутренним светом тактическая линза.

Система целеуказания в полевых линзах! Кто-то забил ему инфосистему помехами, слепя его избытком данных. Это все равно что ослепить обычного человека мощным прожектором.

Я выдохнул и плавно выжал курок. Ничего не произошло. Курок не двинулся с места. Словно был приварен к предохранительной скобе намертво. Киб криво ухмыльнулся. Вытер струйку крови со скулы. Медленно и неспешно, с громким треском, разлепил «липучку» на кобуре «Глока».

Дурак!

Я забыл про «чип верности». Он наверняка был вмонтирован в «Вектру». Я швырнул бесполезным оружием в голову кибу. Тот не глядя, отбил его в полете. Левой рукой, словно я кинул в него мячик. Слепая линза полыхала на искаженном холодной яростью лице.

И я бросился на киборга.

Это было почти самоубийство. Киб со своим набором сверхспособностей был способен переломать мне кости без особых проблем. Но позволить ему достать пистолет тоже было бы самоубийством. Верным самоубийством. Безо всяких «почти».

Я сбил киба с ног. Мы покатились по крыше, бестолково пытаясь достать друг друга. Я заработал пару мощных плюх, оставив их практически без ответа. В конце концов, киб сумел прижать меня к пыльному рубероиду. Обеими руками он вцепился мне в горло. Видимо сработали рефлексы рукопашника.

Это зря.

Никогда нельзя доверять рефлексам.

Киб усилил нажим. Больно было просто невыносимо. Перед глазами поплыли багровые круги, таявшие в серости неба… Мои пальцы лихорадочно шарили по телу киба.

Наконец я нащупал, вцепился в холодную шершавость рукоятки «Глока» торчавшего из наполовину расстегнутой кобуры киба. Последним проблеском сознания, я вырвал пистолет из кобуры и уперев его кибу в бок, нажал спуск…

Мне повезло. Этот пистолет был безо всяких технических примочек. Старый десятимиллиметровый «Глок-20». Грохнул выстрел. Еще один. И еще… Прозвенела о кирпичный парапет гильза. Хватка на моем горле ослабла. Я стряхнул с себя тело.

Неуклюже попытался принять вертикальное положение… Наконец получилось.

Мир вокруг плыл медленно сужаясь и расширяясь.

Звук. Посторонний звук. Зуммер! Мой лаптоп так и остался стоять открытым в нескольких шагах от поля боя. Вызов надрывался не меньше минуты.

Я поковылял к топу.

Городской парк с этой высоты казался детской лужайкой с крошечными игрушечными светлячками автомобилей, беспорядочно столпившихся вокруг того места откуда огромным ленивым червем выползал столб жирного черного дыма. Вертолет? Что с ним случилось? Хотя… в общем-то, все равно.

Упав на колени, я отер заляпанные кровью руки и стукнул по клавишам отвечая на вызов. Наушники я потерял. У топа были встроенные динамики и микрофон.

— …ответь! Ответь, хоть что-нибудь! — в голосе, искаженном дешевыми динамиками сквозила тревога.

— Да… Мак… Это я.

— Слава Богу! — радость и ни капли усталости, — Я уже перестал надеяться…

— Это… это ты? — спросил я плохо веря в происходящее, — Вертолет, кибы?

— Да. Я догадался, когда прервалась связь. Они держали спецвертолет и это было у меня в базах. Когда они направили его по тем координатам, где должен был находится ты… Я свалил его. Добрался до системы навигации и свалил. А потом сбил кибов, которые повязали тебя.

— Влез им в систему целеуказания?

— Да, именно! — я не узнавал Мака. Куда подевались его усталость и тяжесть голоса? В голосе Мака звенели радостные нотки, словно у школьника, сдавшего экзамен, — Ты себе не представляешь как это…

— Стой! Ты… Ты…

— Да. Сжег фрейм, — мне показалось что сейчас Мак рассмеется — настолько счастливым был его голос, — Спалил нафиг. Я не знаю точно, что произошло — мои нейроны нашли новые цепочки в обход тех, что были блокированы фреймом, или электрический потенциал, накопившийся в моей нервной системе просто сжег блокирующие контуры, или… Я твердо знаю только одно. Я — свободен.

Ты даже себе не представляешь как примитивны их системы защиты. Я всегда говорил, что при моих-то способностях — это плевое дело…

— Но… Но… Но КАК???

— Я же сказал — я не знаю… — он запнулся. Радость куда-то пропала из его голоса, — Когда прервалась связь, я засек вертолет оперативников, — тихо проговорил он, — И понял… догадался, что произошло.

И разозлился.

Разозлился, — он замолчал. Как будто пробовал слово на вкус.

— Разозлился? — неуверенно повторил он словно размышлял вслух, — Нет. Не то. Я испугался. Испугался за тебя. Испугался за своего единственного друга. Я действительно испугался. Я знаю, что значит — Безопасность Корпорации.

Потом… Я не знаю… Не знаю как это описать… потом была вспышка, что ли? Ну… И, в общем… Я понял что меня больше ничего не держит.

— Я всегда говорил, что мозг — штука похитрее, чем процессор. Его не так-то просто держать под контролем.

— Выходит так.

— Что я говорил? Ты — человек. Ты сломал свою клетку еще тогда, когда начал общаться со мной. Когда нашел способ обойти запреты Корпорации. Ты всегда был есть и будешь оставаться человеком. Всякий, кто способен сломать те рамки в которые загнан — человек. Даже если ты… — я поперхнулся фразой,

вспомнив, что Мак… но он даже не обратил внимания на мои слова.

— Черт побери! Твой брат и прочие… Они уже на свободе. Я вырубил ко всем чертям корпоративную интрасеть… Выпотрошил базы данных… Выключил питание в допросных… Парализовал информационную систему.

Догадка холодной струйкой пота побежала по моему позвоночнику.

— Они знают???

— Да. Но я включил охранные системы на всем судне, заблокировал все двери и парализовал их доступ. Не забывай — я одна из главных ценностей Корпорации, — он сухо рассмеялся, — И им придется о-о-очень попотеть прежде, чем они смогут добраться до меня. Заметь — сквозь свои же суперсовершенные системы безопасности.

Сейчас я потрошу их базы данных.

— Их нельзя уничтожать, — прохрипел я.

— Я знаю… Все что тебе понадобится будет ждать тебя на трех семерках, — я кивнул, забыв, что Мак не видит меня, — «Семь-семь-семь» был аварийным сервером, который мы использовали в экстренных случаях. Как и адрес «четыре» это был нелегальный файловый сервер большой емкости. Только располагался он на остатках огромной нефтедобывающей платформы в Каспийском море.

— Ради этого стоило терпеть все эти годы! Это просто непередаваемое чувство. Я сильнее их. Я сильнее их, не смотря на все то, что они сотворили со мной. Я — *человек*. Я — все еще ЧЕЛОВЕК!

Мак говорил так, как будто… Как будто он знал, что это последние слова в его жизни. Словно он собрался умирать. И я понял. Эти слова были его завещанием.

— Нет, — прохрипел я, отчетливо понимая, что мои возражения ничего не изменят, — Нет…

— Спасибо. Спасибо, за все то, что ты сделал для такой жестянки как я. Спасибо за все. Еще несколько часов они не доберутся до меня…

— НЕТ!!! — крикнул я, дотянувшись, наконец, до лапа. Я хотел крикнуть чтобы он бежал, прятался. Я даже не подумал тогда — как это глупо. Куда бежать ему? Куда бежать полутора килограммам серого вещества в колбе с биораствором? — НЕТ!!! — крикнул я.

— Самое главное. Имя того «крота», кото… - его голос оборвался. Безо всяких взрывов и спецэффектов. Простой щелчок и — едва-едва слышный шум помех. Даже не щелчок — стук.

Динамики молчали.

Have you ever heard that coffin' sound?

Я смотрел в монитор. Оглушенный происшедшим. Не в силах двинуться с места. Не в силах предпринять что-нибудь осмысленное вообще.

Динамики молчали.

Я смотрел на сообщение о запущенной программе и не чувствовал ничего. Только зияющую пустоту на том месте, где у меня должны были быть мысли или эмоции. Только пустоту.

Слишком знакомую пустоту.

Когда-то в меня попала пуля.

Тогда, боль тоже пришла не сразу. Только через несколько часов. Через несколько часов такой же гудящей пустоты.

Операционная система топа сообщала, что несколько секунд назад была запущена «Цикута».

Я подобрал пистолет. Стер с предохранителя каплю крови. Проверил обойму.

Ни единой мысли в голове. Только небо. Золотисто-серое небо над городом. И духота. Набухшая влагой, готовая взорваться грозой, духота.

Рядом с клавиатурой мигал зеленый огонек.

Индикатор беспроводной связи.

* * *

Старенький обшарпанный автомобильный фургончик с надписью «КАБЕЛЬНОЕ ТВ» служил нам верой и правдой уже не первый год. Я осторожно подкрался сзади. Фургончик не подвел меня и на этот раз. Задняя дверца открылась абсолютно бесшумно.

Бэ-Эс сидел на переднем сидении. Он не спускал глаз с подъезда из которого так никто и не появился. Пистолет на коленях. Мобильник в левой руке.

Бэ-Эс. Единственный, уцелевший в капкане «Флитроника»… Единственный, кто знал о капкане заранее. Потому что сам помог его построить.

— …скоро будут здесь? Да… оказалось проще чем я думал… Чертова жестянка сама скопировала ему в лаптоп смертельный для нее вирус… начала подбираться к базам с моим именем… я ее стер… — он произнес эти слова буднично, — да… нет… ничего не подозревает… да… не проблема… кто бы мог подумать… даже не задумались про то, что я все это время контролировал ситуа…

Бэ-Эс что-то почувствовал. Кожей. Шестым чувством. Оно

особенно тренировано у предателей. Обернулся. Увидел меня. Его глаза расширились. Рот так и остался открытым. Телефон выскользнул из ослабевших пальцев и брякнулся на пол.

— Я… его… стер… — бессвязно пролепетал Бэ-Эс, — Он сам… сам просил об этом… Он сам сказал… Он — программа и не… не больше… Я его стер… Стер…

Трубка на полу сипела неразборчивыми тревожно-требовательными фразами.

— Я стер программу! — выкрикнул Бэ-Эс, брызнув слюной.

— Ты убил человека.

Его рука судорожно рванула пистолет с колен.

Я нажал курок.

Подошел ближе и нажал курок еще раз.

В чернильной бездне туч, закрывших небо, раскатисто громыхнуло, эхом вторя грохоту моих выстрелов. Увесистые, крупные капли громко забарабанили по крыше фургончика. Первые прозрачные струйки потекли по лобовому стеклу смывая серую дневную пыль.

Одесса,

2006-10-03 сэру и леди Хайвей и Ржавой Сети с благодарностью